

Вокруг простирались обширные поля, а дорога казалась узкой и длинной. Пройдя половину пути, Цинфэн почувствовал, что его рука стала тяжелее. Обернувшись, он увидел, что Му Су присел у обочины и отказывается идти дальше.

— Я никогда не видел, чтобы парень был таким изнеженным. Мы прошли всего несколько шагов, — с легкой досадой и улыбкой сказал Цинфэн.

Он понимал, что Му Су избалован, но для парня такие капризы были слишком...

— Это не изнеженность. Я прошел столько вверх и вниз по горе, что мои ноги просто болят, — пожаловался Му Су, чувствуя, как его ступни буквально расплющиваются от усталости. Боль распространилась уже на всю ногу.

— Ты же не девочка, чтобы я тебя нес на спине, — сказал Цинфэн, наклонившись и погладив Му Су по голове, как щенка. — Если ты не пойдешь, мы можем пропустить автобус и не вернуться сегодня домой.

— Ладно, я просто отдохну немного, — вставая, Му Су снова почувствовал боль в ногах и ухватился за руку Цинфэна еще сильнее.

Цинфэн, в свою очередь, схватил его за руку и слегка поддержал, чтобы Му Су мог опереться.

Пройти еще десяток минут оказалось непросто. Увидев, что до перекрестка еще далеко, Му Су просто сел на камень у дороги, скрестив руки на груди, и сердито заявил:

— Я не пойду дальше. Лучше переночую здесь, чем идти.

Цинфэн знал, что Му Су редко ходил пешком так много, а вчера он еще и выпил немало. Его силы были на исходе, и он действительно больше не мог идти.

— Ладно, я понесу тебя. Представь, что ты снова пьян, — сказал Цинфэн, переложив рюкзак на грудь и наклонившись, чтобы взять Му Су на спину.

Тот сопротивлялся:

— Ты что, считаешь меня девочкой? Ты когда-нибудь видел, чтобы парень нес парня?

— Не видел, но сегодня увидишь.

Му Су, конечно, был тяжелее девочки, а учитывая, что он не хотел сотрудничать, упираясь руками в спину Цинфэна, это больше походило на верховую езду. Цинфэн с трудом проговорил:

— Ложись как следует, иначе я тоже устану, и ты останешься здесь с бродячими собаками.

Му Су наконец послушался, слегка наклонившись и снизив центр тяжести.

— Просто мне неловко.

— Неловко или нет, терпи.

Через несколько минут мимо них проехала частная машина. Она проехала мимо, но затем развернулась и остановилась рядом.

Окно опустилось, и мужчина на заднем сиденье бросил короткое:

— Садитесь!

— Вау, какой добрый человек подвез нас, — радостно сказал Му Су, не подозревая, что этот мужчина был не кем иным, как отцом Цинфэна — Тань Сяньци.

Оба, отец и сын, были удивлены этой неожиданной встречей в таком глухом месте. Цинфэн, подумав, решил смириться с ситуацией и, посадив Му Су в машину, сам сел рядом.

Все трое разместились на заднем сиденье, Цинфэн посередине. Не подозревающий ничего Му Су благодарил Тань Сяньци:

— Спасибо, дядя. Если бы не вы, мы бы, наверное, долго шли до автобуса.

— Почему ты в выходной оказался в этом месте? — Тань Сяньци напрямую спросил Цинфэна.

Только тогда Му Су понял, что они знакомы.

— Цинфэн, вы... — начал Му Су, но Цинфэн быстро представил:

— Это дядя, которого я знаю.

— А, понятно.

Однако оба не видели, как изменилось выражение лица Тань Сяньци, когда Цинфэн назвал его «дядей». Это, наверное, заметил только водитель.

— Мы с другом решили подняться на гору, но по пути машина сломалась, — после этого в машине воцарилась тишина, и даже обычно активный Му Су чувствовал себя неловко.

Когда они въехали в город, Цинфэн, не дожидаясь вопроса Тань Сяньци, попросил остановиться на подходящем месте. Обычно Му Су не хотел бы выходить, но сегодня он был рад покинуть машину, где атмосфера была настолько напряженной, что могла убить муху.

После того как мальчики вышли, машина Тань Сяньци поехала в противоположном направлении.

Думая о том, как Цинфэн представил его, Тань Сяньци вздохнул и спросил водителя:

— Старина Фу, мы знакомы больше двадцати лет. Ты знаешь, о чем я вздыхаю.

Фу был человеком спокойным и осторожным в словах. Он просто сказал:

— Цинфэн просто не хотел создавать тебе неудобств.

— Он слишком тихий. Это пугает меня, — признался Тань Сяньци.

Он ожидал, что Цинфэн, живя один, будет бунтовать, как это обычно бывает с подростками, и был готов улаживать его проблемы. Но за последний год он не сделал ни одного шума, что казалось странным.

— Разве это не лучше, чем если бы он шумел и бездельничал? — Фу думал, что Цинфэн слишком терпелив. Подросток, который мог вынести столько обид и не выражать недовольства, вероятно, просто копил все внутри.

— Ты проверил то, о чем я просил? — Тань Сяньци, занятой делами, только сейчас вспомнил о поручении, которое дал Фу.

— Проверил. Цинфэн раньше подрабатывал, но сейчас он просто помогает одному младшему ученику с уроками, — доложил Фу, внимательно наблюдая за выражением лица Тань Сяньци через зеркало заднего вида.

— Где он живет?

— Он живет в... Башне Уцзинь, — Фу немного замялся, и, как и ожидалось, это вызвало бурю эмоций у Тань Сяньци.

— Башня Уцзинь? Как он мог туда переехать?

Тань Сяньци не мог поверить, что Цинфэн жил там больше года. Это было место, где он и мать Цинфэна жили, когда его карьера только начиналась. Если бы не этот разговор, он бы, наверное, уже забыл об этом старом здании.

— Он всего лишь ребенок. В таком большом городе он не может позволить себе аренду дорогого жилья, поэтому и выбрал это место. Ему приходится тратить много времени на дорогу до школы, — объяснил Фу, стараясь быть объективным, но не скрывая своего сочувствия к Цинфэну.

Он был родственником семьи Тань и много лет работал с Тань Сяньци. Он присутствовал на его свадьбе и был более консервативен в своих взглядах. Для него Цинфэн был законным сыном, а Тань Лин — незаконнорожденным, хотя именно последний был любимцем Тань Сяньци.

— Каким он был в детстве, я уже почти забыл, — иногда Тань Сяньци вспоминал, каким был Цинфэн, но сейчас этот образ был полностью заслонен его нынешним поведением. Он чувствовал вину, хотел проявить заботу, но отсутствие отцовской любви делало его попытки неуклюжими.

— Когда Цинфэн впервые пришел к тебе, он был другим, — Фу впервые заговорил о том, как впервые встретил Цинфэна.

Тань Сяньци удивился:

— Каким?

— Я помню, как он ждал тебя у офиса, охрана его не пускала. Когда я вышел, он стоял в старой рубашке, выглядел немного нервным, — Фу даже усмехнулся, вспоминая эту сцену. Неудивительно, что никто не поверил, что он сын Тань Сяньци.

— Нервным? — Тань Сяньци не мог представить Цинфэна таким.

— Да, он пил много воды, пока ждал. Он тогда целый день ничего не ел, — Фу всегда помнил, как предлагал Цинфэну деньги на еду, но тот отказался, продолжая пить воду.

Цинфэн ждал с трех часов дня до семи вечера. Фу уже начал нервничать за него, но Тань Сяньци не ускорил свои дела ради сына.

— Почему он не поел? — Тань Сяньци только сейчас вспомнил, как Цинфэн жадно ел в закусочной той ночью. Он тогда подумал, что мальчик просто невоспитан, но не знал, что тот

голодал целый день.

— Наверное, он считал, что неприлично есть, когда ждешь кого-то, — Фу старался не показывать свои чувства, но не мог остаться равнодушным.

— Ждать кого-то... — Тань Сяньци усмехнулся. — Ты правильно подобрал слово.

Но это было правдой. Цинфэн тогда действительно пришел к нему за помощью, хотя это был его отец.

Ребенок, который пришел в большой город один, голодный, ждал своего отца, но в итоге не получил от него ни капли заботы. Простая порция лапши стала его ужином.

<http://bllate.org/book/16764/1540924>